

АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ ВОРОНИН

доктор исторических наук, профессор кафедры философии и права, Мурманский государственный технический университет (Мурманск, Российской Федерации)
crowss@mail.ru

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКОНОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права социально-гуманитарного института, Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Российской Федерации)
sniknov-77@mail.ru

АРТЕЛЬ И ПОКРУТ МУРМАНСКОГО ПРОМЫСЛА В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Рассматривается проблема изучения артели и покрута мурманского промысла российскими исследователями второй половины XIX – начала XX века. Показана связь интереса ученых к этому вопросу с процессами колонизации и экономического развития побережья Баренцева моря во второй половине XIX века. Основной тенденцией в исследовании проблемы стала негативная характеристика артели и покрута, рассматривавшихся как средство закабаления бедных крестьян более состоятельными.

Ключевые слова: артель, Мурманский берег, покрут, историография

В последние годы в условиях повышения внимания к сельскому хозяйству (на фоне мер санкционного и антисанкционного характера) довольно заметно усилился и общественный интерес к проблемам различных форм организации сельскохозяйственного производства – прежде всего в виде давней дискуссии об эффективности индивидуальных и общественных хозяйств¹. Эта проблема вовсе не нова и многократно уже обсуждалась на протяжении последнего столетия, однако, как правило, велась в весьма политизированном пространстве, когда государство по тем или иным причинам, выбрав какую-либо модель в качестве определяющей (ставка на колхозы во 2-й половине 1920-х – начале 1930-х годов или на фермеров – в начале 1990-х), существенно ограничивало возможности объективного изучения этой проблемы.

В этом отношении исследователи предшествующего периода были заметно более свободны от государственного воздействия (что, конечно, не исключало влияния на них тех дискурсов, которые были распространены в общественной среде) и могли предложить более объективную картину изучаемого соотношения, к тому же имея под рукой огромный массив материала, опирающегося на непосредственный опыт.

Весьма отчетливо этот вопрос сформировался как проблема общины и ее соотношения с индивидуальным крестьянским хозяйством в общественной мысли России второй половины XIX – начала XX века, что было вызвано как либеральными реформами и освобождением крестьянства, так и интересом к народной жизни и быту в целом².

Одним из ответвлений этой дискуссии стала проблема артели и взаимоотношения внутри нее.

Тогда как одни видели в артели продолжение общины³, идеальное устройство трудовой деятельности крестьянства, вплоть до возможности ее постепенной трансформации в новую форму всей общественной жизни, другие – лишь форму производственного кооператива, цель которого – получение его членами выгоды. Скажем, А. А. Исаев, выделяя в качестве основных характеристик артели демократизм и равноправие в деле достижения общих хозяйственных целей, определял артель как «основанный на договоре союз нескольких равноправных лиц, совместно преследующих хозяйственные цели, связанных круговою порукою и участвующих, при ведении промысла, трудом или трудом и капиталом» [10: 9–18, 21].

Существенно иной в этом отношении оказалась, по сути дела, лишь в середине XIX века «открытая» исследователями форма поморской рыбопромыслового артели, сложившаяся на Мурманском побережье Баренцева моря. Конечно, и сам промысел, и его артельная форма имели давнюю историю, уходящую своими корнями в XVI век, но научный и общественный интерес к ним возник только в 1860-е годы, что было связано с начавшейся в это время колонизацией Мурманского берега. Рассматриваемая властью как способ восстановления экономики Кольского Севера после англо-французских нападений периода Крымской войны, она одновременно предполагала решение задач укрепления суверенитета России на Севере и противодействие внешней экономической и политической экспансии (прежде всего со стороны Норвегии).

Однако наметить пути улучшения экономического развития региона можно было только при

понимании существовавшего тогда строя социально-экономических отношений на Мурманском берегу, основу которого составлял морской рыбный промысел, организационно базирующийся на артельном труде и покруте в значительной части пришлого населения Поморья.

Специфика мурманской промысловой артели заключалась в том, что она определялась необходимостью вести лов силами команды рыболовецкого судна – карбаса или шняки, насчитывавшей четыре человека (кормщик, весельщик, тяглец и наживочник). Большинство работников артели входили в нее на условиях покрута – особого порядка найма на промысел, при котором вознаграждением за участие была определенная доля добычи, зависевшая от его статуса в артели. При этом все расходы на промысел, включая обеспечение работников (покручеников) едой, брал на себя хозяин, организатор промысла (который мог в нем непосредственно и не участвовать или участвовать в качестве кормщика)⁴.

Впервые характеристики артели и покрута встречаются уже в конце XVIII – первой половине XIX века в работах М. Ф. Рейнеке [23], А. Журавлева [9], В. П. Верещагина [1], Н. Я. Озерецковского [20], однако они не ставили перед собой задачи глубокого анализа этих социальных явлений, ограничиваясь их кратким описанием при изображении общей картины мурманского промысла.

Первое обстоятельное исследование развития мурманского промысла и характеристики артели были представлены Н. Я. Данилевским – ученым-естественноиспытателем, мыслителем и общественным деятелем второй половины XIX века. Начиная с 1853 года Н. Я. Данилевский трудился в научно-промышленных экспедициях под руководством академика К. М. Бэра, изучавших рыбные богатства России. В 1859–1861 годах ученый совместно с группой помощников изучал фауну рек и морей, а также промыслы населения Севера России. Итогом исследований стала серия публикаций [11], [24], в число которых вошла и работа Н. Я. Данилевского о рыбном и зверином промыслах в Белом и Баренцевом морях [4]. Экономическую основу мурманской артели он видит в разделе общей добычи на части-пай, которые получали как члены артели, так и организатор промысла [4: 116]. Поскольку последний брал на себя все издержки, его пай, независимо от непосредственного участия в промысле, был большим – 2/3 дохода, тогда как артели доставлялась 1/3 [4: 114]⁵. Ключевую роль в артели Данилевский отводит ее руководителю – кормщику, который либо сам был хозяином (тогда его доля включала и ту часть, что должен был получить он как кормщик), либо отвечал перед организатором промысла за знание мест лова рыбы, сохранность судна и снастей во время промысла. Это позволяло ему получить дополнительные выплаты: «свершонок» и «половое» (половина пая) [4: 108–109].

Такой порядок распределения доходов между хозяином и артелью и внутри артели, когда не

устанавливался твердый размер платы промышленникам, исследователь считал вполне справедливым в силу невозможности заранее просчитать доходность промысла, а также проконтролировать качество работы работников. Хозяину приходилось полагаться лишь на их добросовестность и удачный промысловый сезон⁶. К тому же отсутствие твердой оплаты поддерживало благосостояние некрупных хозяев, поскольку «при наперед определяемой задельной плате между хозяевами имело бы место соперничество... все лучшие работники перешли бы к богатейшим хозяевам, могущим давать большую плату» [4: 117]. Рассуждения ученого оказываютсяозвученными концепции «моральной экономики» крестьянства. Таким образом, покрут, по Н. Я. Данилевскому, это вполне отвечающая интересам промышленников система найма, основанная на оплате труда члена артели не из «задельной платы, а из известной доли в будущем улове» [4: 116].

Схожую оценку позднее высказал Н. В. Максимов, побывавший на Мурманском берегу в 1892 году. Непосредственно познакомившись с жизнью промышленников, он пришел к выводу, что положение покрученика на промысле было лучше, чем наемного рабочего. О богатых хозяевах-поморах, «крутивших» промышленников, он отзывался как о «народных кормильцах», поддерживавших, пусть и с выгодой для себя, менее состоятельных крестьян [15: 39–40, 42–43].

Однако большая часть исследователей не разделяла столь положительных оценок состояния мурманской артели и покрута. В первую очередь это относится к П. С. и А. Я. Ефименко, работы которых появились практически одновременно с выходом в свет исследования Н. Я. Данилевского. Важным отличием их является также стремление перейти от фактографического описания проблемы на уровень ее теоретического осмысливания.

В своих работах «Артели на Мурманском берегу» [7] и «Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии» [8] П. С. Ефименко провел типологизацию артелей, выделив по району комплектования 1) кольскую и 2) поморскую, а по форме организации – 1) объединение самостоятельных производителей и 2) объединение, состоящее из организатора (хозяина) и наемных работников [7]. Для мурманского промысла, по его мнению, был характерен второй тип объединения [7: № 22]. Поддерживая Данилевского в том, что экономическое положение кольской и поморской артелей было близко, Ефименко, в отличие от него, считал, что и та, и другая были сильно ущемлены в правах, поскольку добычу промысла могли продавать только хозяину артели. В результате, по его мнению, в Поморье возникло заметное экономическое расслоение между небольшой группой «капиталистов», «поднявших при сравнительно малом труде» высокое благосостояние, и остальными крестьянами, трудившимися «из последних сил» и получавшими «скучное» вознаграждение за свой труд [7: № 22].

В структуре поморской артели ученый наряду с выявлением распределения профессиональных обязанностей между ее членами и взаимоотношений рядовых работников с кормщиком выделяет еще одну категорию промышленников – мальчики-зуйки [8: 112–114]. В кольской артели Ефименко выделил два основных вида: 1) артель уженщиков; 2) артель наемных работников. Члены первой обладали своими средствами производства (судно и снасти) и продуктами, но были вынуждены заранее договариваться с богатым хозяином о сдаче улова по установленной цене, поскольку он предоставлял им денежную или натуральную ссуду. Артель наемных работников имела лишь часть средств производства (судно или снасти) и взамен получения от хозяина недостающего (в том числе продовольственного снабжения) половину выловленной рыбы отдавала, а вторую – продавала ему по установленной цене. Еще одной особенной чертой кольской артели было участие половников – подростков и женщин, работавших из половины платы [8: 129–132].

Особенностью работ А. Я. Ефименко [6], в целом близких по своим оценкам к взглядам П. С. Ефименко, является стремление взглянуть на мурманскую артель с точки зрения ее истории. С этой целью она обратилась к материалам Холмогорского архиерейского дома XVII–XVIII веков, одного из участников мурманского промысла. Обнаружив весьма сложную структуру мурманской артели в XVII веке, она пришла к выводу о более раннем этапе ее возникновения определенной эволюции. Выделив два типа артели: 1) «складников», базирующуюся на равном участии промышленников, кооперирующих труд, денежные средства и средства производства посадских людей и крестьян Подвилья, и 2) «покрученников», основанную на покруте [6: 3]. К последнему типу артели она как раз и отнесла артели мурманского промысла Холмогорского архиерейского дома, организованные из наемных работников. Среди них А. Я. Ефименко выявила две группы сезонных артелей – вёшнюю и летнюю. Роль духовной организации в мурманском промысле заключалась в предоставлении «основного» и «оборотного» капитала – на содержание стана, судов и снастей, обеспечение промышленников [6: 5, 6–9, 11–12]. Работники промысла за свой труд получали долю от промысла, которая была устойчивой и, как и в XIX веке, составляла 1/18 дохода для кормщиков, 1/45 – для промышленников. Кормщик получал и дополнительную выплату – половину [6: 9].

А. Я. Ефименко обратила внимание на усложнение структуры артели, которая наряду с артелью-командой одного карбаса могла объединять несколько производственных единиц (карбасов) в одну общую артель, обозначавшуюся в документах конца XVII века понятием лодья, которая включала, как правило, четыре карбаса. Такая лодья «считалась идеальной единицей, которая клалась в основание дележа промысловой добычи между предпринимателем... и промысловыми

артелями» [6: 5]. Сопоставив артель архиерейского дома с аналогичной артелью начала XVIII века Кольского Печенгского монастыря, исследователь обнаружила в ней существенное отличие: поскольку здесь покрученники обеспечивали себя сами, получая от монастыря лишь небольшую ссуду, это приводило к другой системе расчета: добыча монастырем и промышленниками делилась пополам [6: 16]. Хотя сама А. Я. Ефименко не делает из этих наблюдений специальных выводов, но фактически ею был выявлен тип кольской артели раннего периода.

В отношении современной ей мурманской артели А. Я. Ефименко продолжает линию П. С. Ефименко. Выделяя те же типы артелей – поморскую и кольскую – особенностью последней она считает равную долю участия членов артели в промысловом предприятии: каждый вносит свою лепту в дело не только трудом, но и средствами производства, продуктами и деньгами. Однако она отказывается видеть в кольской артели объединение экономически независимых промышленников, в действительности практически полностью зависевших, по ее мнению, от ссуд хозяев – богатых кольских купцов и мещан [6: 36–37]. Ту же зависимость она подчеркивает и в поморской артели, доказывая на документальных, этнографических материалах и личных наблюдениях, что покрученники фактически находились в долговой кабале [6: 36]. Впрочем, А. Я. Ефименко обращает внимание и на наличие локальных особенностей в экономической организации поморской артели, которые, как в волостях Колежма и Сорока, основывались не только на покруте, но и на равной доле участия промышленников. Однако, несмотря на эти исключения, в целом система покрута в этой работе, как и в работах П. С. Ефименко, получает резко негативную оценку как ведущая к закабалению крестьянства.

Став, по сути дела, первой действительно исторической работой по организации артелей мурманского промысла, в ней в то же время не нашло места отражение взаимосвязи между развитием современной автору мурманской артели и ее предшественников – артелей Холмогорского архиерейского дома и Печенгского монастыря.

В 1870–1880-х годах в печати появляются работы, посвященные санитарно-медицинской ситуации на Мурманском берегу, в которых в том числе затрагиваются вопросы состояния мурманского промысла и промышляющих там артелей. В частности, Ф. Ульрих, в марте – октябре 1871 года обследовавший санитарное состояние Кемского уезда и Мурманского берега, описав болезни промышленников и собрав статистические данные по демографии и заболеваемости жителей, дал негативную оценку покруту как экономическому явлению [29]. Другой врач – В. Гулевич, не являясь профессиональным историком или этнографом и повторяя преимущественно негативные оценки П. С. и А. Я. Ефименко артелей покрученников как средства закабаления

и последующего обнищания крестьян [3], в то же время приводит ряд ценных замечаний, не встречающихся в других работах. Прежде всего это касается деятельности наживочных мойвенных артелей, которые рассматривались предшественниками (Н. Я. Данилевский, А. Я. Ефименко) исключительно как временные объединения, не являющиеся полноценными артелями. Вл. Гулевич же считает мойвенную артель, включавшую от 4 («малая ромша») до 12 («полная ромша») шняк, полноценной артелью, владеющей общим средством производства (неводом) и по окончании промысла делившей добычу поровну между ее членами [3: 62–64].

Большинство последующих работ в 1870-х – 1900-х годах о мурманском промысле, созданных по итогам кратковременных поездок на побережье Баренцева моря (А. Д. Поленова, В. Л. Кушелева, Н. Дергачева и др.), как правило, носят обзорный характер и во многом повторяют то, что уже было сказано об артелях и покруте в предыдущих работах, которые оценивают их в негативном свете [5], [13], [18], [22], [25], [26].

Новый подход к проблеме артели в конце XIX века наметил Н. М. Книпович – выдающийся океанограф и исследователь биологических ресурсов северных морей. Исследование Н. М. Книповича проводилось не столько с целью описания современного ему состояния мурманского промысла, сколько определения тех средств и форм, которые должны прийти им на смену. С этой точки зрения исследователь рассматривает покрут как переживающую упадок экономическую систему организации промысла [12]. В соответствии с устоявшейся традицией он выделяет две основные формы артели – покручников и пайщиков [12: 55]. Первый тип артели он рассматривает как «капиталистический», основанный на «кулацкой эксплуатации» хозяином работников артели [12: 53], продолжая заложенную работами П. С. и А. Я. Ефименко негативную оценку покрута. В то же время на смену этой уходящей форме приходит артель пайщиков, основанная на равном участии работников, которая, по наблюдениям исследователя, получила развитие среди жителей Колы, а также промышленников из Кемского и Онежского уездов [12: 96].

Заслугой Н. М. Книповича является использование при проведении исследования новых форм и методов сбора информации: анкетирование промышленников, привлечение статистических материалов местных органов власти. Это позволило ему сделать выводы о численном и территориальном составе промышленников, их районировании (выделении локализаций Поморья, тяготеющих к Мурманскому берегу), а также о формах артельных объединений [12: 11–12].

Продолжилась эта линия на расширение круга источников, прежде всего использование значительных массивов статистической информации, в Статистических исследованиях Мурмана [17], [18], [27], [28], подготовленных в результа-

те длительной экспедиции под руководством Н. М. Книповича и Л. Л. Брейтфуса, проходившей с 1898 по 1908 год⁷. Работа стала не только ценным исследованием проблемы жизни поморского населения побережья Баренцева моря, но и источником для следующих поколений историков. Характерная особенность исследования артели – почти полное отсутствие внимания к проблеме покрута, что является отражением того простого факта, что он как форма организации труда на рыбном промысле к началу XX века ушел в прошлое. Авторами выделены две основных формы артели на промысле: 1) единичные – организованные одним хозяином; 2) паевые – состоящие из нескольких участников. Характерными чертами мурманских артелей, организованных одним хозяином, были малые формы объединений, наличие постоянных мест промысла (становищ), использование наемного труда, а не покрута⁸. Паевые артели также преимущественно были небольшими объединениями промышленников, добывавшими рыбу 1–2 судами. Добыча внутри такой артели распределялась на основе доли вложений в средства производства каждого пайщика [23: 27]. Если член артели не мог составить свой пай, то из его доходов производился вычет, рассматривавшийся как арендная плата за пользование судном и снастями [23: 28]. В исследовании детально анализируется вопрос о трудовых ресурсах артелей, состоявших из родственников организаторов промысла, наемных работников и покручников, территориальный и национальный состав промышленников. Эти работы в существенно большей степени, чем их предшественники, отличаются стремлением получить объективную картину состояния промысла, существенно ослабляя эмоциональное восприятие изучаемых проблем, используя полученную информацию в целях определения основных тенденций развития артели на Мурманском промысле.

Таким образом, в ходе изучения Мурманского промысла во второй половине XIX – начале XX века исследователями были выявлены типы артелей в зависимости от территориального происхождения (поморская и кольская артели и их локализации), форм объединения (артели складников и покручников), рассмотрена внутренняя структура артели. П. С. Ефименко было обращено внимание на связь артели с традиционными крестьянскими институтами – общиной, товариществом. Такой взгляд открывал перспективу в исследовании артели как одной из форм социальной организации крестьянства, а не простого объединения промышленников по типу современной бригады рабочих. К сожалению, это перспективное направление исследований в дальнейшем не получило продолжения.

В оценке покрута выявились две, хотя и неравномерно выраженные тенденции: практически всеми дореволюционными исследователями он рассматривался как негативное социальное

явление, выступавшее средством закабаления ма-лоимущих и обогащения зажиточных крестьян. Только Н. Я. Данилевский и Н. В. Максимов видели в покруте неизбежное условие организации промыслов на Мурманском берегу, а также средство поддержания крестьян, не способных организовать собственное промысловое предприятие.

Особенностью, и вполне объяснимой, в исследовании мурманской артели и покрута является

хронологическая ограниченность: внимание ученых было сосредоточено преимущественно на актуальной для них второй половине XIX века, в то время как более ранний период в истории этих явлений почти не затрагивался. Попытка А. Я. Ефименко исследовать вопрос на материале источников XVII–XVIII веков не нашла поддержки в историографии того периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вот, например, достаточно типичный вопрос в статье с типичным же заголовком сегодняшнего времени: «...Надо наконец дать себе отчет, на какой тип сельского хозяйства государству делать ставку... сегодня... 1) фермеры; 2) бывшие колхозы-совхозы, принадлежащие ныне частникам; 3) агрохолдинги, т. е. крупные капиталистические хозяйства» [2].

² Подробнее об этом см.: [19].

³ В России «картель и община близки душе крестьянина. А это много значит» [16: 72].

⁴ Наряду с ними Н. Я. Данилевский обратил внимание на существование и форм самоорганизации промышленников, выражавшихся в создании временных мойвенных артелей, объединявших артели на время лова мойвы, служившей наживкой для лова трески [4: 131–132].

⁵ Впрочем, по способу раздела добычи ученый выделяет два типа артелей: поморскую (составившую из пришлых промышленников) и кольскую. Если в первой добыча делилась на неравные доли между хозяином и артелью, то во второй – поровну [4: 131–132].

⁶ Впрочем, «дух лотереи», по наблюдениям Н. Я. Данилевского, присутствовал и среди работников, которые при удаче могли сами выбиться в хозяева [4: 117].

⁷ Этому вопросу посвящено исследование Ю. А. Лайус. См.: [14].

⁸ Основной процент артелей на промысле составляли объединения, промышлявшие 1–2 судами [23: 13–14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В е р щ а г и н В. П. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849. 409 с.
2. В о е в о д и н а Т. Кто накормит народ? // Литературная газета. 2016. № 31. С. 16.
3. Г у л е в и ч В. л. Мурманский берег в промысловом и санитарном отношениях. Архангельск, 1883. 133 с.
4. Д а н и л е в с к и й Н. Я. Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. VI. Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях. СПб., 1862. 257 с.
5. Д е р г а ч е в Н. Русская Лапландия. Архангельск, 1877. 310 с.
6. Е ф и м е н к о А. Я. Артели Архангельской губернии. Ч. II. Артели для лова рыбы // Сборник материалов об артелях в России. Вып. II. СПб., 1874. С. 1–93.
7. Е ф и м е н к о П. С. Артели на Мурманском берегу // АГВ. 1869. № 22. С. 5–6; № 23. С. 5–6; № 24. С. 4.
8. Е ф и м е н к о П. С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Кн. I. Архангельск, 1869. 336 с.
9. Ж у р а в л е в А. О Российской Лапландии, называемой Мурманским берегом, и о производимом при оном рыбном промысле // АГВ. 1847. № 1. С. 6–11; № 2. С. 17–23; № 3. С. 35–38.
10. И са е в А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. 336 с.
11. Исследование о состоянии рыболовства России. Т. VII. Техническое описание рыбных и звериных промыслов на Белом и Ледовитом морях. СПб., 1863. 120 с.
12. К н и п о в и ч Н. М. Положение морских рыбных и звериных промыслов Архангельской губернии. СПб., 1895. 163 с.
13. К у ш е л е в В. Л. Мурман и его промыслы. СПб., 1885. 262 с.
14. Л а й у с Ю. А. Развитие рыбохозяйственных исследований Баренцева моря: взаимоотношения науки и промысла, 1898–1934 гг.: Автoref. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 29 с.
15. М а к с и м о в Н. В. Мурманский берег, его обитатели и промыслы // Русская мысль. М., 1893. Кн. III. С. 24–46.
16. М а с л о в С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. 315 с.
17. М а т е р и а л ы по статистическому исследованию Мурмана. Т. II. Вып. I. Описание колоний восточного берега и Кольской губы. СПб., 1902. 273 с.
18. М а т е р и а л ы по статистическому исследованию Мурмана. Т. II. Вып. II. Описание колоний на запад от Кольской губы и до границ с Норвегией. СПб., 1903. 237 с.
19. Н о в и к о в И. А. Артель в России во второй половине XIX – начале XX в. К вопросу об определении термина // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2009. № 4 (8). С. 147–168.
20. О з е р е ц к о в с к и й Н. Я. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804. 132 с.
21. П о д г а е ц к и й Л. Е. Мурманский берег, его природа, промыслы и значение. СПб., 1890. 23 с.
22. П о л е н о в А. Д. Отчет по командировке на Мурманский берег. СПб., 1876. 56 с.
23. Р е й н е к е М. Ф. Описание города Колы в Российской Лапландии. СПб., 1830. 58 с.
24. Р и с у н к и к исследованию рыбных и звериных промыслов на Белом и Ледовитом морях. СПб., 1863. 57 с.
25. С и н д е с н е р А. Описание Мурманского побережья. СПб., 1909. 272 с.
26. С л е з к и н с к и й А. Мурман. СПб., 1897. 219 с.
27. Статистические исследования Мурмана. Т. I. Вып. I. Тресковый промысел. СПб., 1902. 354 с.
28. Статистические исследования Мурмана. Т. I. Вып. II. Колонизация. СПб., 1904. 291 с.
29. У л ь р и х Ф. Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу во врачебном и экономическом отношениях. СПб., 1877. 128 с.

Voronin A. V., Murmansk State Technical University (Murmansk, Russian Federation)
 Nikonov S. A., Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russian Federation)

ARTEL AND POKRUT OF MURMANSK FISHERY IN THE ESTIMATES OF RUSSIAN RESEARCHERS OF THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

The article considers the problem of studying employment practices of artel and pokrut utilized at Murmansk fishery in the second half of the XIX – early XX century. These practices were thoroughly studied by the researchers of the period in focus. Interconnections between the scientists' interests about this problem and the processes of colonization and economic development of the Barents Sea coast in the second half of the XIX century are considered. The main trend in the study is characterized by multiple negative characteristics of the artel and pokrut practices, which were seen as a tool of poor peasants' enslavement by more affluent ones.

Key words: Artel, Murmansk coast, pokrut, historiography

REFERENCES

1. Vereshchagin V. P. *Ocherki Arkhangelskoy gubernii* [Essays on Arkhangelsk province]. St. Petersburg, 1849. 409 p.
2. Voevodina T. Who will feed the people? [Kto nakormit narod?]. *Literaturnaya gazeta*. 2016. № 31. P. 16.
3. Gulevich V. I. *Murmanskiy bereg v promyslovom i sanitarnom otnosheniyakh* [Murman coast in commercial and sanitary relations]. Arhangelsk, 1883. 133 p.
4. Danilevskiy N. Ya. *Issledovaniya o sostoyanii rybolovstva v Rossii. T. VI. Rybnye i zverinye promysly na Belom i Ledovitom moryakh* [Research on the state of fisheries in Russia. Vol. VI. Fish and animal crafts on White and Arctic seas]. St. Petersburg, 1862. 257 p.
5. Dergachev N. *Russkaya Laplandiya* [Russian Lapland]. Arhangelsk, 1877. 310 p.
6. Efimenko A. Ya. Artels in the province of Archangelsk [Arteli Arkhangelskoy gubernii. Chast' II. Arteli dlya lova ryby]. *Sbornik materialov ob artelyakh v Rossii*. Issue II. St. Petersburg, 1874. P. 1–93.
7. Efimenko P. S. Artels at Murman coast [Arteli na Mormanskom beregu]. *AGV*. 1869. № 22. P. 5–6; № 23. P. 5–6; № 24. P. 4.
8. Efimenko P. S. *Sbornik narodnykh yuridicheskikh obychaev Arkhangelskoy gubernii* [Collection of folk legal customs of the Arkhangelsk province]. Book I. Arhangelsk, 1869. 336 p.
9. Zhuravlev A. About Russian Lapland, called the Murmansk coast, and about fisheries organized by them [O Rossiyskoy Laplandii, nazyvaemoy Murmanskim beregom, i o proizvodimom pri onom rybnom promysle]. *AGV*. 1847. № 1. P. 6–11; № 2. P. 17–23; № 3. P. 35–38.
10. Isaev A. A. *Arteli v Rossii* [Artels in Russia]. Yaroslavl, 1881. 336 p.
11. *Issledovaniye o sostoyanii rybolovstva Rossii. T. VII. Tekhnicheskoe opisanie rybnykh i zverinykh promyslov na Belom i Ledovitom moryakh* [A report on the status of fisheries of Russia. Vol. VII. Technical description of fish and animal fisheries in the White and Arctic seas]. St. Petersburg, 1863. 120 p.
12. Knipovich N. M. *Polozhenie morskikh rybnykh i zverinykh promyslov Arkhangelskoy gubernii* [Provision of marine fish and animal fisheries in Arkhangelsk province]. St. Petersburg, 1895. 163 p.
13. Kushelev V. L. *Murman i ego promysly* [Murman and its fisheries]. St. Petersburg, 1885. 262 p.
14. Layus Yu. A. *Razvite rybokhozyaystvennykh issledovanii Barentseva morya: vzaimootnosheniya nauki i promysla, 1898–1934 gg.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Development of fishery research in the Barents sea: the relationship between science and fisheries, 1898–1934 years]. Moscow, 2004. 29 p.
15. Maksimov N. V. Murmansk coast and its inhabitants and fisheries [Murmanskiy bereg, ego obitateli i promysly]. *Russkaya mysl'*. Moscow, 1893. Book III. P. 24–46.
16. Maslov S. S. *Trudovye zemledel'cheskie arteli, ikh znachenie, istoriya, ikh organizatsiya i ustav* [Labour agricultural artels, their importance, history, organization and Charter]. Yaroslavl, 1918. 315 p.
17. *Materialy po statisticheskому issledovaniju Murmana. T. II. Vyp. I. Opisanie koloniy vostochnogo berega i Kol'skoy guby* [Materials on statistical research of the Murman. Vol. II. Issue I. Description of the colonies and the Eastern shore of the Kola Bay]. St. Petersburg, 1902. 273 p.
18. *Materialy po statisticheskому issledovaniju Murmana. T. II. Vyp. II. Opisanie koloniy na zapad ot Kol'skoy guby i do granits s Norvegiyey* [Materials on statistical research of the Murman. Vol. II. Issue II. Description of the colonies on West from the Kola Bay to the borders with Norway]. St. Petersburg, 1903. 237 p.
19. Novikov I. A. Artel in Russia in the second half of the XIX – early XX century. To the question of the definition of [Artel'] v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. K voprosu ob opredelenii termina]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorija*. 2009. № 4 (8). P. 147–168.
20. Ozeretskovskiy N. Ya. *Opisanie Koly i Astrakhani* [Description of Kola and Astrakhan]. St. Petersburg, 1804. 131 p.
21. Podgaetskii L. E. *Murmanskiy bereg, ego priroda, promysly i znachenie* [Murmansk coast, its nature, fisheries and value]. St. Petersburg, 1890. 23 p.
22. Polenov A. D. *Otchet po komandirovke na Murmanskiy bereg* [Report on the trip to Murmansk coast]. St. Petersburg, 1876. 56 p.
23. Reyneke M. F. *Opisanie goroda Koly v Rossiyskoy Laplandii* [Description of the city of Cola in Russian Lapland]. St. Petersburg, 1830. 58 p.
24. *Risunki k issledovaniju rybnykh i zverinykh promyslov na Belom i Ledovitom moryakh* [Drawings to a research of the fish and animal fisheries at the White and Arctic seas]. St. Petersburg, 1863. 57 p.
25. Sindersner A. *Opisanie Murmanskogo poberezhya* [Description of the Murmansk coast]. St. Petersburg, 1909. 272 p.
26. Slezinskii A. *Murman* [Murman]. St. Petersburg, 1897. 219 p.
27. *Statisticheskie issledovaniya Murmana. T. I. Vyp. I. Treskovyy promisel* [Statistical researches of Murman. Vol. I. Issue I. Cod fisheries]. St. Petersburg, 1902. 354 p.
28. *Statisticheskie issledovaniya Murmana. T. I. Vyp. II. Kolonizatsiya* [Statistical researches of Murman. Vol. I. Issue II. Colonization]. St. Petersburg, 1904. 291 p.
29. Ulrikh F. *Kemskiy uezd i rybnye promysly na Murmanskom beregu vo vrachebnom i ekonomicheskom otnosheniyakh* [Kemsky the county and fisheries on the Murmansk coast in the medical and economic relations]. St. Petersburg, 1877. 128 p.